

Из письма И. Бунина Софье Рахманиновой (Волконской):

«Милая, дорогая, самая главная принцесса Софочка... Повторяю то, что как-то писал Вашей маме: пусть Бог даст Вам самую счастливую судьбу, потому что Вы достойны того, есть в Вас какая-то необыкновенная прелесть не теперешних времен! Если бы я был молодой, я влюбился бы в Вас, как влюблялся КОГДА-ТО, давно, давно, надел бы рыцарские латы... и поплыл бы на парусном корабле сражаться в Вашу честь с неверными в Святую Землю и попал бы в плен к пиратам и был бы в рабстве у них, в цепях, 7 лет и бежал бы от них и пешком пришел к Вам в замок, длинный, седой, худой как скелет, почти черный лицом, морщинистый, и упал бы на колени, прося Вашей руки, а Вы велели бы бичевать меня за дерзость и бросить в подземную темницу, полную жаб, пауков и сов, и я бы умер там, воспевая Вас на лютне или даже без лютни... Целую Вас с самой нежной любовью.
24 октября 1949 г., Париж».

Ивану Алексеевичу исполнилось тогда 79 лет, внучке Сергея Рахманинова, княжне Софье, было двадцать четыре года. Никакого романа, в тривиальном смысле этого слова, у них, конечно, не было. Но сколько нежности, юмора и нешуточной страсти в этом письме, которое еще ни разу не появлялось в широкой печати.

Красавица Софья вышла замуж за американского дипломата. Умерла внезапно на Багамских островах в 1968 году сорока трех лет. Ее имя носит выставочный зал культурного центра США в Сан-Хосе (Коста-Рика).

Талим был Бунина в 19 лет.

Софья Волконская-Рахманинова. Портрет работы Бориса Шаляпина.

РОМАН СО СВЕЧАМИ

В эти дни исполняется 125 лет со дня рождения
Ивана Алексеевича Бунина и 70 лет
со времени публикации его романа «Митина любовь»

этого текста невозможно пересказать. А ведь когда-то я пытался понять его загадку. Студентом на практике переписывал Бунина страницами — на редакционных бланках, на листах из школьной тетрадки.

«Но загадочно и с несокрушимым веселым безмолвием сиял этот взор — и где было взять сил перенести его, такой близкий и такой далекий... открывший такое несказанное счастье жить и так бесстыдно и страшно обманувший. ... Сухой и острый запах елей и роскошный запах жасмина дали ему такое острое чувство лета и чьей-то старинной летней жизни в этой богатой и прекрасной усадьбе, что он вдруг увидел Катю, сходящую, во всем расцвете женской прелести, с балкона в сад...».

Каким-то жаром ударило меня в грудь, когда я дошел до этих строк. Я схватил ведро и побежал за водой для чайника.

Стояло марево последнего тепла, и во всем мне слышалось тихое смущенное ликование. Я неумело тащил ведро, расплескивая воду на кеды, но даже это не вызывало досады. И сырая общежитская комнатуха, и недописанная записка о сквозном бригадном подряде — во всем этом я вдруг увидел ту же веселую необходимость, с какой лилась вода и бежали поезда.

«... Именно это-то и было непосильным — то самое счастье, которым подавлял его мир и которому недоставало чего-то самого нужного».

Я забросил переписывание Бунина. Что толку — я переписывал, а непостижимость росла. Она становилась невозможной, невыносимой. Непостижим был для меня и финал «Митиной любви», из-за которого я старался не дочитывать эту вещь Бунина до конца. Бросал «Митину любовь» на середине, там, где Митя растворяется в любви, но еще не погублен ею.

Он ждет писем от Кати, которая осталась в Москве, томится ее молчанием, спит с ее фотографией, ездит то и дело на почту. Приходит одно-единственное письмо, горячее, любящее, а потом снова тишина. И тут староста, горький пьяница, решив позабавить более себя, чем барчука, сводит его с замужней молодой крестьянкой. А та, на Митино горе, была похожа чем-то на Катю. Звали ее тоже очень мило — Аленка...

Скоростипное совращение Мити, прощальное письмо от Кати, холодный револьвер, самоубийство мальчика, которого я чувствовал, как брата. В таком финале — со стрельбой — я видел что-то рассчитанное по схеме, мелодраматичное, черствое.

Я прекрасно знал, что так бывает в жизни, что от любви стреляются, но гибель Мити мне казалась предательским отступлением автора от созданного им самим, от души своего создания. Толстой бы так не поступил, думал я. И Чехов. Потом я узнал, что Чехову настойчиво предлагали написать повесть на такой сюжет, о самоубийстве юноши от любви, но он отказался.

Кстати, у Бунина не повесть, а роман. Пятьдесят шесть страниц всего, но Бунин настойчиво требовал, чтобы «Митину любовь» называли романом. Он писал его на юге Франции, в Грасе. Точку поставил 14 сентября 1924 года. Сентябрь в тех местах еще ничем не отличим от лета. Бунинский дом стоял на горе, оттуда видно море, голубые склоны Приморских Альп, леса Эстереля...

Первая половина романа была опубликована в парижском журнале «Современные записки» (№ 23 за 1925 год). Читатели, разглядев в сюжете револьвер, как ружье на сцене, засыпали

редактора журнала требованиями и мольбами, обращенными к Бунину: «Не губите Митю!» Попадались и прямые угрозы: не будет Harry end — сожжем редакцию.

Редактор, не имея на руках продолжения романа, считал, что еще не поздно спасти героя. Он просил Бунина пощадить Митю и, в свою очередь, грозил писателю, что не сможет опубликовать окончание романа, где все так страшно кончается. Он писал Бунину, что эмигрантская молодежь и без того подвержена депрессии и пессимизму.

Но Бунин стоял на своем: ни строчки не изменю. А причины для такого финала «Митиной любви» были глубоко личные. Одна из семейных драм Буниных закончилась именно так трагически — покончил с собой племянник Ивана Алексеевича. На памяти Бунина несколько молодых поэтов свели счеты с жизнью «из-за любви». Еще до 17-го года так погибли Виктор Гофман, Алексей Лозина-Лозинский, Василий Комаровский, Надежда Львова, Всеволод Князев...

«Современным запискам» пришлось опубликовать вторую, печальную, половину романа. В том же году в Париже вышло отдельное издание. Через несколько месяцев ленинградское издательство «Книжные новинки» выпускает «Митину любовь» в СССР, где только что похоронили Есенина. По всей Европе, советской и эмигрантской, прокаталась тогда волна молодежных самоубийств. Причины искали в «есенинщине», в распространении наркомании, в крушении идеалов и надежд...

«Митина любовь» имела бешеный успех.

Давно я не дочитывал «Митину любовь» до конца. И вот теперь надеялся почему-то, что свечка примирит меня с горестным финалом. Нет, не примирило.

Понимаю, что, если бы Митя не любил, он бы и не застрелился. Жил бы на свете еще один «господин в смокинге с бескровным бритым лицом, с черными курчавыми волосами». Кто из нас не погубил Митю в душе своей?..

Было отчего-то душно. Я открыл окно. Марля, оставшаяся с лета, стала рваться в комнату, как парус.

Ветер затрепал свечу, пришлось прикрыть ее ладонью.